

LUNDS UNIVERSITET

Institutionen för Öst- och Centraleuropastudier

RYS 053 / HT 2004

Delkurs 5. Uppsats (4 poäng)

Handledare: Lars Steensland

Ringailė Trakymaitė

**Падежная система
современного русского языка**

Введение

Анализируя разные грамматики как русских, так и зарубежных авторов, читатель задается вопросом, сколько же в русском языке падежей. Точки зрения авторов по этому поводу значительно различаются. Количество падежей может варьировать: от традиционных шести до, например, четырнадцати. Самые большие споры о количестве падежей связаны, в первую очередь, с такими известными формами, как *в лесу́* и *в лесе́*, *в кровí* и *о крóви*, *чашка ча́ю* и *ча́я*, и т.д. Сколько таких форм должно существовать в языке, чтобы мы начали дискуссию о них? Мы не ставим своей задачей проанализировать все точки зрения и ответить на все вопросы. Мы хотим описать несколько наиболее распространенных подходов к этому вопросу, а также критерии выделения падежей и попытаться дать представление о сложности этого, на первый взгляд, простого вопроса – сколько же в русском языке падежей?

Цель работы

Целью данной работы является определение теоретических проблем и вопросов, возникающих при попытке определить категорию падежа имен существительных; а также описание трех разных взглядов на падежную систему современного русского языка. Таким образом мы хотим дать представление о сложности и разнообразии вопроса о количестве падежей в русском. Далее, обсудим эти три взгляда на падежную систему современного русского языка и изложим читателю наше мнение по этому вопросу.

Следует отметить, что речь в данной работе пойдет исключительно о категории падежа имен существительных, и только об управляемом падеже, поскольку имена существительные также обладают категорией согласуемого падежа. Например, в предложении *Она живет в Москве*. собственное имя существительное *Москва* стоит в пр. п. ед. ч.¹, который является примером управляемого падежа, а в предложении *Она живет в Москве, столице страны*. имя существительное *столице*, которое тоже стоит в пр. п. ед. ч., является примером согласовательного падежа потому, что оно не управляется, а именно согласуется с

¹ Смотрите список условных сокращений в конце данной работы.

именем существительным *Москва*.² Имена прилагательные обладают другой словоизменительной согласовательной категорией – адъективным падежом³, или, говоря другими словами, они обладают своей системой склонения, которая отличается от системы имен существительных. Но эти понятия согласуемого и адъективного падежей не будут обсуждаться в данной работе. Мы только сочли уместным напомнить читателю, что они тоже существуют. Известно также, что возможны разные виды самого управления, но об этом подробнее будет говориться в 1.2.

Используемые источники

Данное исследование будет в первую очередь опираться на *Граматику русского языка*⁴, разработанную Академией наук СССР, Институтом русского языка, и изданную в Москве в 1980 году в издательстве «Наука». Мы будем ссылаться на первый том, в котором речь идет о фонетике, фонологии, ударении, интонации, словообразовании и морфологии. В данной грамматике дан наиболее распространенный взгляд на падежную систему русского языка, а именно как на систему, которая состоит из шести падежей: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного. Но как мы увидим далее, это не совсем так. Другой подход русской школы к вопросу о системе падежей в современном русском языке будет представлен точкой зрения Р. Якобсона, который первый предложил рассматривать русскую падежную систему, как систему, состоящую из восьми падежей. Более современный подход к вопросу о количестве падежей в современном русском языке мы находим в работе И. А. Мельчука (*Курс общей морфологии*, издан в 1997 году), в которой он утверждает, что в современном русском языке насчитывается десять падежей.

Кроме того, в этой работе мы будем опираться на исследование Т. В. Булыгиной *Проблемы теории морфологических моделей*, в частности на III и IV главы, в которых речь идет о единицах морфологического описания и о принципах

² Подробнее о категории согласовательного падежа, а также о других его типах в разных языках мира смотрите в работе И. А. Мельчука, 1997, I, с. 344 – 346.

³ Данный термин часто встречается в более современных работах по языковедению. Например, его можно найти в работах И. А. Мельчука.

⁴ Далее в данной работе называемой просто *Грамматикой 80* (заметка автора).

установления морфологических категорий. Эта работа издана в 1977 году в издательстве Академии наук СССР в Москве.

Структура и метод работы

Наше исследование состоит из трех частей. В первой части мы обсудим само понятие и определение падежа, встречающееся в языкознании. Именно в этой части мы попытаемся сформулировать и выделить вопросы и проблемы, с которыми сталкивается читатель, пытаясь определить/выделить категорию падежа. Во второй части мы приведем краткие описания падежной системы современного русского языка, которые представлены в трех вышеупомянутых работах. И в последней, заключительной части, мы прокомментируем все три варианта падежных систем, сделаем выводы и представим свои соображения о количестве падежей в русском языке, а также о критериях их выделения.

Важно подчеркнуть, что главный метод данного исследования состоит в критическом отборе научной литературы. Три вышеупомянутые работы были отобраны нами потому, что они дают представление о коренных различиях в подходе к падежной системе русского языка, при этом в *Грамматике 80* приведен наиболее традиционный подход, Р. Якобсон является обоснователем нового взгляда на падежную систему русского языка, увеличив количество падежей до восьми, а работа И. А. Мельчука служит примером третьего, более современного и нетрадиционного подхода, и начитывает десять падежей. Краткие описания этих трех подходов основаны на противопоставлении их традиционному, т.е. четвертому, подходу, базирующемуся на шести падежах, что будет видно из обобщающих эти описания таблиц.

1. Определение падежа

Определение падежа или падежной системы языка (также называемой склонением в традиционных грамматиках или падежной парадигмой в современной лингвистической литературе) как очевидной грамматической категории, свойственной многим языкам мира⁵, является сложной проблемой. Это

⁵ Вопрос об универсальности категории падежа, а также об универсальности понятия *слово* подробно дискутируется в работе Т. В. Булыгиной, 1977, с. 113–130.

связано, в первую очередь, с тем, что эта категория характеризуется комплексом разнородных признаков, рассматриваемых в различных областях языкознания. Несмотря на различия в определениях, приводимых разными лингвистическими школами и различными авторами, можно сказать, что определение падежа тесно связано со следующими лингвистическими дисциплинами: морфологией, лексикологией, синтаксисом и семантикой. В некоторых случаях есть основания утверждать о наличии связи категории падежа и фонологии. Хотя все эти слои переплетаются и взаимодействуют при попытке дать четкое определение падежа, мы попытаемся определить, каким образом категория падежа становится объектом анализа вышевыделенных лингвистических дисциплин.

Очень важно заметить, что в лингвистической литературе часто говорится о разных видах падежа, например, о морфологическом падеже, семантическом падеже, синтаксическом падеже и т. д. Как общеизвестно, синтетические языки обычно обладают четко выраженными морфологическими падежами, показателями которых являются флексии; а говоря об аналитических языках, принято дискутировать, о так называемых глубинных или семантических падежах. Мы считаем, что падежная система современного русского языка представляет собой интересный случай категории падежа потому, что в нем можно обнаружить интересные примеры всех выше упомянутых категорий падежа – и морфологических, и семантических, и синтаксических падежных форм, особенно если, например, посмотреть на употребление падежных форм с предлогами (что наиболее типично для аналитических языков), не говоря уже о существовании самого предложного падежа и имен существительных, которые имеют всего лишь одну падежную форму – *радио, такси, жюри, кенгуру* и т. д.

Подчеркнем, что нас в данной работе интересует вопрос о количестве падежей в русском языке, или, другими словами, какие падежные формы авторы считают самостоятельными падежами и почему.

1.1 Падеж как объект морфологии

Как известно, главным объектом морфологических исследований является изучение словоформ в каком-либо языке. Согласно *Грамматике 80*, которая приводит довольно традиционное определение: «Словоформа есть одно из

выявлений (манифестаций, видов существования) слова» (1980: I, 123). Далее в *Грамматике 80* говорится, что «словоформы одного и того же слова, отличающиеся друг от друга морфологическими значениями, являются формами этого слова» (1980: I, 123). Здесь мы сталкиваемся с двумя основополагающими понятиями, особенно важными для определения категории падежа, а именно, с понятием «од-ного и того же слова», а также с понятием формы слова или словоформы, поскольку падежные формы имен существительных и являются их словоформами.

Возникает вопрос, чем же отличаются эти два понятия: *слово* и *словоформа*? Является ли словоформа словом, и наоборот? *Грамматика 80* утверждает, что слово, как одна из основных языковых единиц, существует в языке как система словоформ (1980: I, 123, 128), таким образом как бы выделяя вертикальное понятие слова, тогда как словоформа является линейной единицей, выделяемой в речевом потоке. Заметим, что параллельно речевому потоку, словоформу можно выделить и в тексте. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что главное различие между словом и словоформой состоит в том, что *слово* – это вертикальная, абстрактная единица языка, в то время как *словоформа* является линейным, или горизонтальным, конкретизированным в речи, видом существования слова.

И. А. Мельчук полагает, что «слово – это либо словоформа, либо лексема» (1997: I, 103). Как видим, он тоже использует эти два понятия – *слово* и *словоформа*. И. А. Мельчук пишет, что словоформы представляют собой частный случай языкового знака (1997: I, 103), таким образом маркируя их контекстуальность, т.е. какое-то употребление их в тексте или в речи. В принципе, он не противоречит *Грамматике 80*, поскольку далее, возвращаясь к тому, что слово – это также и лексема, говорит: «лексема – это множество словоформ и/или словосочетаний, отличающихся друг от друга только словоизменительными значениями» (1997: I, 103), т.е. теми самыми морфологическими значениями, о которых говорится в *Грамматике 80*. В определении И. А. Мельчука понятие «частного случая», и таким образом, определенного контекста, требует пояснения. Очевидно, что говоря о словоформе, он имеет в виду слово как элемент текста или речи. В этом случае очевидно лишь то, что под «одним и тем же словом» подразумевается не контекстное слово, а, скорей, слово как элемент словаря. Для того, чтобы не запу-

таться в этих различных терминах, в принципе утверждающих и обсуждающих двухстороннее понятие слова (контекстное/конкретное $\neq$ «словарное»/абстрактное), мы используем решение, предложенное Т. В. Булыгиной, которая говорит, что в русской традиции слово как элемент текста, т.е. синтагматическое слово, называют словоформой, а слово как элемент словаря, т.е. парадигматическое слово, называют лексемой, что вполне соответствует определению И.А. Мельчука.

Попробуем привести примеры выше описанных определений словоформ. Получается следующее: лексема *дом* имеет следующие десять словоформ:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. / Вин. п.	дом	Им. / Вин. п.	дома́
Род. п.	до́ма	Род. п.	домов
Дат. / Пр. п. ⁶	дому	Дат.	домам
Тв. п.	домом	Тв. п.	домами
Пр. п.	доме	Пр. п.	домах
5		5	

а лексема *лоскут* имеет следующие пятнадцать словоформ:

Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. / Вин. п.	лоскут	Им. / Вин. п.	лоскуты, лоскутья
Род. п.	лоскута	Род. п.	лоскутов, лоскутьев
Дат.	лоскуту	Дат.	лоскутам, лоскутьям
Тв. п.	лоскутом	Тв. п.	лоскутами, лоскутьями
Пр. п.	лоскуте	Пр. п.	лоскутах, лоскутьях
5		10	

Обобщая данные таблицы, мы хотим сделать ряд замечаний.

1. Как известно, русский язык является синтетическим языком, в котором грамматические значения выражаются при помощи морфологических показателей, поэтому именные словоформы всегда членятся на основу и флексию, которая, в свою очередь, состоит из чисто грамматических, материально выраженных показателей. Таким образом, именно флексии являются показателями падежных форм. Как видим в вышеприведенных таблицах, формы им. и вин. п. ед. ч. I скл. м. р. состоят из основы (в данном случае из коренного морфа) и нулевой флексии, т.е. у

⁶ Очевидно, что если мы посмотрим на фонетические варианты данных падежных форм, то увидим, что *до́му* $\neq$ *дому́*, но нас в данном случае интересует только их орфографическая форма.

этих форм вообще не наблюдается морфологических показателей. Возникает вопрос, почему они считаются падежной формой/формами?

2. Падежные формы им. и вин. п. ед. ч. идентичны и в лингвистической литературе носят название синкретных форм. Возникает вопрос, на основе каких показателей/ критерий эти формы считаются разными падежными формами?

3. Лексемы имен существительных III скл. имеют в тв. п. ед. ч. двойные формы, например, *водой* и *водою*, *женой* и *женою*. Почему эти формы с разными материально выраженными морфологическими показателями считаются формами одного и того же падежа?

4. Лексема *лоскут* во мн.ч. имеет двойной набор падежных форм. Являются ли они параллельными формами одной и той же лексемы, или формами двух разных лексем?

5. Следует упомянуть и о таких единичных формах, обычно рассматриваемых как наречия, как *дóма* (где?) и *домой* (куда?), которые тоже могли бы рассматриваться как падежные формы выше описанного I скл. м. р., но тем не менее, такой традиции нет.

6. Мы хотели бы еще раз вернуться к так называемым несклоняемым именам существительным, примеры которых проводились в 1. *Грамматика 80* утверждает, что они относятся к нулевому склонению, где «нулевым называется склонение, парадигма которого состоит из омонимичных форм с нулевой флексией» (1980: I, 506). Другими словами, падежные формы этих имен существительных не имеют никаких материально выраженных морфологических показателей, или флексий. Таким образом им. сущ. *такси* и *кенгуру*, которые принадлежат нулевому склонению, состоят из коренных морфов⁷ *такси* и *кенгуру*. Но если мы обратимся, например, к *Русско–литовскому словарю*, то найдем следующие примеры: *таксист*, *таксометр*, *таксомотор*, *таксомоторный* (1985: IV, 273); а также *кенгуровый* (1983: II, 33), согласно которым коренными морфами вышеупомянутых слов являются *такс-* и *кенгур-*. В таком случае возникает вопрос, почему же тогда словоформы *такси* и *кенгуру* имеют нулевую флексию и почему все их падежные формы омонимичны?

⁷ Подробно о морфах и морфемах русского языка смотрите в *Грамматике русского языка*, 1980, I т., с. 123–132.

Описав падежные словоформы двух лексем *дом* и *лоскут*, которые являются им. сущ. м. р. I скл., а также просмотрев несколько других примеров им. сущ. III скл. и нулевого скл., мы пришли к выводу, что чисто морфологический анализ не дает ответа на вопрос о количестве падежей. Скорее, наоборот, возникает еще больше вопросов. Ответы на эти вопросы может дать дискуссия о падеже как объекте лексикологии, синтаксиса и семантики.

1.2 Падеж как объект лексикологии

Легко заметить, что наряду с такими понятиями, как слово и словоформа, при обсуждении падежных форм появляется и термин лексема, или, используя термины *Грамматики 80*, парадигмическое слово. Например, словоформы лексемы *лоскут* приведены в пример в части 1.1. Такими же двойными формами мн.ч. обладает и лексема *лист*. Читатель может задаться вопросом, считать ли параллельные формы множественного числа падежных форм одной и той же лексемы *лист*, обозначающих, в случае лексемы *лист*¹, как утверждает Т. В. Булыгина, «множественную совокупность» (1977:155), или считать их формами другой лексемы *лист*², обозначающих расчлененное множество, т.е. *лист*¹ (бумаги) $\neq$ *лист*² (дерева). В данном случае мы сталкиваемся с проблемами лексикологии, а именно: омонимичные формы разных лексем, подразделение имен существительных на такие классы как: собирательные, вещественные и др., обозначающие разнообразные лексико-семантические свойства обозначаемых ими предметов.

Говоря о падеже как о предмете лексикологии, уместно было бы обсудить и другую проблему – проблему существования параллельных форм одного и того же падежа, например, пр. п. ед. ч. I скл. *в снегу́* – *в сне́ге* с локативным значением⁸. Т. Матиассен в своей грамматике утверждает, что такие формы существуют потому, что они значительно различаются: *в снегу́* – прямое, конкретное значение, а *в сне́ге* – отвлеченное, абстрактное значение (1990:235). Такое объяснение выглядит логичным, только оно не помогает понять, почему тогда не все имена существительные, а только лишь некоторые из них, и только относящиеся к I скл., м. р., могут выразить эту лексико-семантическую разницу в значении? Нам также

⁸ Мы не уверены, что данные формы являются формами одного и того же падежа, но так утверждает Т. Матиассен и другие грамматик, например *Грамматика 80*.

известно, что эту разницу в значении могут выражать и некоторые имена существительные III скл., ж. р., но формально это будет выражено не разными флексиями, а местом ударения: *в кровѣ́* и *в крѡ́ви*, но здесь мы можем говорить лишь о небольшой группе таких случаев.

К вопросу о звательном (вокативном) падеже в современном русском языке можно подойти именно как к проблеме лексикологии. Многие лингвисты не признают современных форм речи, таких как *пан!*, *Паиш*⁹ и др. самостоятельными формами падежа. Нужно подчеркнуть, что такими формами, оформленными материально выраженными морфологическими показателями, т.е. нулевой флексией, обладают только собственные имена существительные, в им. п. ед. ч. оканчивающиеся на *-а/-я*, а также некоторые одушевленные нарицательные имена существительные, например, *кисунь!*. Очевидна лексическая закономерность – нарицательные имена существительные, употребленные в звательной форме, обязательно одушевленные и близки по значению собственным именам существительным. Этим мы и можем объяснить существование таких форм.

Но в русском языке существует и определенное количество таких архаических форм, как *боже, господи, отче*, которые являются примерами церковного языка, и которые *Грамматика 80* называет междометиями (1980: I, 732). Они тоже являются одушевленными им. сущ. Как видим, они имеют другие, т.е. отличающиеся от выше описанных, морфологические показатели. Такие вышеупомянутые формы как *боже, господи, отче*, являясь устаревшими формами, в современном русском языке имеют также формы (*господь, отец, бог*), которые полностью совпадают с формами им. п. ед. ч. – ср. м. р. ед. ч. *век* – *господь*: «*Век мой, зверь мой, кто сумеет/ Заглянуть в твои зрачки/ И своею кровью склеит/ Двух столетий позвонки? [...]*» (1994:146) и «*Помоги, Господь, эту ночь прожить [...]*» (1994:169). Они не имеют материально выраженных показателей и являются полностью омонимичными им. п. ед. ч. Если мы допустим, что такие формы как *пан!*, *Паиш!*, *кисунь!*, а также *боже, господи, отче* являются самостоятельными падежными формами звательного (вокативного) падежа потому, что они составляют определенные, выше описанные лексические группы, а также имеют

⁹ Форма обращения, образованная от имени *Павел*, в уменьшительно-ласкательном варианте *Паша* с нулевой флексией.

морфологические показатели – нулевую флексию в первом случае и особые флексии во втором случае, то как тогда трактовать такие формы, как *Господь!* и *век!?* Приведенный пример стихотворения О. Мандельштама, в котором он обращается к веку, нарушает выше выстроенную лексическую закономерность – обращаться можно и к неодушевленному объекту, но эти формы не имеют никаких формальных морфологических показателей. Являются ли они в таком случае самостоятельными падежными формами звательного (вокативного) падежа или нет?

Особый случай падежных форм, который стоит обсудить, говоря о падеже как об объекте лексикологии, представляет предложный падеж, формы которого всегда употребляются с пятью предлогами *о*, *по*, *при*, *в* и *на*, а также употребление и других падежных форм с предлогами. Так как речь в данном исследовании идет об управляемом падеже имен существительных, стоит напомнить, что существуют два вида управления – непосредственное или прямое управление, когда употребляется та или иная форма косвенного падежа¹⁰ без предлога, и предложное, когда форма косвенного падежа зависит не только от управляющего слова, но и от предлога, например: *Он рассказал сказку* – прямое управление (глагол *рассказал* требует вин. п.), но *Он рассказал о сказке, которую услышал вчера* – предложное управление (глагол *рассказал* употреблен с предлогом *о* требует пр. п.). В обоих случаях *сказка* является прямым дополнением или объектом, но лексическое значение форм *сказку* и *сказке* явно отличается. Это можно объяснить тем, что во втором случае значение лексемы *сказка* сливается со значением лексемы *о*¹¹. Следует обратить внимание на то, что формой *сказке* также обладает дат. п., но именно значение предлога *о*, которое проникает в словоформу *о сказке*, позволяет утверждать, что это разные словоформы одной и той же лексемы. Мы признаем, что в данном примере лексикологический аргумент не отличим от синтаксического, но мы сочли нужным привести его, говоря о падеже, как об объекте лексикологии.

¹⁰ Косвенные падежи – все падежи, кроме именительного.

¹¹ Точное начальное/историческое лексическое значение многих русских предлогов утрачено. Только диахронические исследования могут ответить на этот вопрос.

Как видим, подход к падежным формам с точки зрения лексикологии, с одной стороны, помогает нам выяснить/объяснить некоторые падежные формы, но, с другой стороны, возникает еще больше вопросов.

1.3. Падеж как объект синтаксиса

Грамматика 80 дает определение падежа как «словоизменительной категории имени, выражающейся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающей отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения» (1980:I, 474–475). Таким образом, говоря о самой категории падежа, вводится синтаксический аспект, синтаксические единицы – словосочетание и предложение. Далее это определение уточняется: подчеркивается, что падеж выражает «отношение имени – в определенной его форме – к слову во всей системе его форм, к словоформе (или словоформам) в составе предложения либо к целой синтаксической конструкции» (1980:I, 476–477). Типы выше упомянутых отношений, т.е. значения падежа, определяются синтаксическими функциями падежа, которые, по словам авторов, являются абстрактными и могут быть трех видов: объектное, субъектное и определительное.

Нам известно, что само понятие падежа не отличимо от понятия синтаксического управления. Падежные формы оформляют управляемое существительное, а также маркируют его статус как синтаксически зависимого элемента в словосочетании, или другими словами, в синтагме, или в предложении. Тут у читателя может возникнуть вполне уместный вопрос об именительном падеже, на самом деле, играющем особую роль в падежной парадигме русского языка, которую трудно воспринимать как зависимую. Р. Якобсон, по нашему мнению, очень четко описывает эту роль: «The fact that the N¹², in contrast to all other cases, does not limit in any way the role of the entity it designates (i.e. does not signify either its dependence upon an action or its incomplete presence in the content of the utterance, etc.) singles out this case in essence from all the others and makes it the only possible vehicle of the **pure naming function**. [...]» (1984:67). Мы считаем нужным напомнить читателю, что сами термины *падеж* (лат. *casus*) и *склонение* (лат. *declinatio*), которые в свое время были заимствованы из греческого языка, именно и

выделяют им. п. как главную, исходную форму имени потому, что *падеж* обозначает не что иное, как «падение», а *склонение* – «отклонение, отвращение от чего-то» (1955: 87, 153). Поэтому, наше утверждение о том, что падежные формы оформляют управляемое существительное, а также маркируют его статус как синтаксически зависимого элемента, правдиво только в том случае, если мы исключим из парадигмы (или признаем особым) им. п.

Сделав этот вывод, вернемся к утверждению, что любая форма падежа обязательно выражает синтаксическую функцию существительного, т.е. каждая падежная форма должна иметь определенную синтаксическую роль. Опишем эти роли.

Почти все школы и авторы, правда, называя их по-разному, выделяют главные и второстепенные синтаксические роли существительного, или другими словами, члены предложения. Как известно, в русском языке такими могут быть: подлежащее (субъект), сказуемое (предикат), определение (атрибут), дополнение (объект) и разного вида обстоятельства, которые по сути своей тоже являются разного вида определениями. Но является ли описание синтаксических функций падежей достаточным для того, чтоб определить/выделить ту или иную форму падежа? Проанализируем несколько примеров:

1. *Виден лес.* – *Вижу лес.* В этих двух предложениях мы видим материально не отличимые формы лексемы *лес*. В первом предложении *лес* – им. п. ед. ч. потому, что это формальное подлежащее (субъект). Во втором же предложении *лес* – вин. п. ед. ч. потому, что это прямое дополнение (объект). Если мы заменим неодушевленное им. сущ. м. р. I скл. *лес* на одушевленное им. сущ. м. р. I скл. *студент*, различие падежных форм получит и материальное оформление: *Виден студент.* – *Вижу студента.* Этот пример делает очевидным, что синтаксические роли важны для установления падежных форм и признания того факта, что одинаково выраженные словоформы могут являться разными падежными формами. В данном случае мы даже можем утверждать, что синтаксис имеет преимущество над семантикой потому, что обе вышеописанные формы, т.е. им. п. и вин. п., принадлежат к одному и тому же семантическому падежу – объектному падежу.

¹² Nominative – именительный падеж (замечка автора).

2. *Паши, книгу!* – *Паши, подай, пожалуйста, книгу!* В этих предложениях мы видим одну и ту же вокативную форму лексемы *Паши*, функция которой – обращение. В первом предложении она не сопровождается глаголом в повелительном наклонении (императиве), как во втором, но тем не менее, ясно, что он подразумевается. Нам важно, что в обоих предложениях форма *Паши* выделена знаками препинания, которые подчеркивают ее особый синтаксический статус. Но тут у читателя может возникнуть вопрос, является ли эта форма синтаксически зависимой. Мы считаем, что она, параллельно с им. п., не является синтаксически зависимой. Но важно и то, что именно синтаксис тут играет важную роль при выделении этой падежной формы.
3. *Мать любит дочь.* – *Дочь любит мать.* Эти предложения мы можем интерпретировать двояко: 1) объектом материнской любви и в первом, и во втором предложении является дочь – *дочь* в обоих предложениях стоит в вин. п. ед. ч., а *мать* – в им. п. ед. ч.; 2) объектом любви дочери и в первом, и во втором предложении является мать – *дочь* в обоих предложениях стоит в им. п. ед. ч., а *мать* – в вин. п. ед. ч. Выбрать интерпретацию этих предложений в письменном виде нам помогает порядок слов.¹³ Поэтому мы естественно интерпретировали бы данные предложения следующим образом – им. сущ., занимающие первое место в данных примерах, являлось бы подлежащим и поэтому стояло бы в им. п. Только определенный контекст либо интонация нам позволила бы интерпретировать их как прямое дополнение и считать их формами вин. п. Как видим, в данном примере опять же синтаксис помогает нам определить падежную форму.
4. *Под крышу!* – *Они спрятались под крышей.* В данных предложениях мы видим две словоформы лексемы *крыша*. В первом предложении *крышу* – вин. п. ед. ч., во втором предложении *крышей* – тв. п. ед. ч. Обе словоформы стоят с предлогом *под*, который требует либо вин. п., либо тв. п. В данном случае только семантический анализ поможет выбрать ту или другую падежную форму. В обоих предложениях лексема *крыша* выступает в локативном значении (но ни одна из них не стоит в пр. п., который обычно выражает пространственные отношения). Только в первом предложении использована форма вин. п., кото-

рая указывает на направление действия (хотя сам глагол и отсутствует), а во втором предложении использована форма тв. п., которая указывает на место действия (ср. *Они спрятались под крышу.*) Это так поскольку, помимо своей главной синтаксической функции, все падежи русского языка могут выражать и определенное количество других функций (как в данном примере вин. п., главная функция которого выражать прямой объект, выражает направление действия, а тв. п., главной функцией которого является выражение инструмента действия, выражает место действия). Значит, помимо чисто синтаксических функций, они переносят и определенную семантическую информацию.

Поэтому отдельно взятый синтаксический анализ не достаточен. Необходим и анализ семантических ролей имен существительных, в котором появление семантической информации наряду с синтаксическими правилами стало бы очевидным.

1.4. Падеж как объект семантики

Вернемся к тому, о чем шла речь в 1.3, а именно к тому, что самая главная функция падежа¹⁴ – маркирование существительного как синтаксически зависимого элемента. Следуя этой мысли, напрашивается вывод, что в языках мира должны существовать всего лишь две падежные формы – зависимая и независимая¹⁵. Однако известно, что в большинстве языков это не так, хотя есть языки, падежная система которых выглядит подобным образом. Объяснением этому как раз и может послужить та семантическая информация, которая присутствует в разных падежных словоформах.

Именно семантический анализ способствует ответу на вопрос, почему словоформы *рукой* и *рукою* являются лишь вариантами одного и того же падежа – тв. п. ед. ч. Объяснить это можно следующим образом: они взаимозаменяемы в любом контексте без каких-либо семантических последствий: ср. *Она махнула ему рукой.* и *Она махнула ему рукою.* – в обоих предложениях словоформы лексемы *рука* обозначают инструмент/предмет действия. Тут уместна дискуссия лишь о некотором стилистическом оттенке. А словоформы *лес* (*Лес шумел.*) и *лес* (*Лес*

¹³ Нейтральный порядок слов в русском следующий: субъект – предикат – объект.

¹⁴ Как мы уже заметили в 1.3 – кроме именительного и vocативного падежей.

срубили.) считаются формами разных падежей им. п. ед. ч. и вин. п. ед. ч. потому, что различаются в семантическом значении: в первом предложении *лес* является субъектом действия (или скорее субъектом состояния – ср. *Лес был шумный.*), а во втором предложении *лес* является объектом или пациенсом действия.

Ответа на вопрос о параллельных формах род. п. следует искать именно в семантическом анализе. Противники так называемого второго родительного или партитивного падежа, который оформляется флексией –у/-ю, обычно приводят два аргумента: 1) лишь определенное количество им. сущ. м. р. I скл., принадлежащее определенной лексической группе (им. сущ. вещественные) обладают этой формой; 2) эта форма полностью совпадает с формой дательного падежа. Возникает простой вопрос – почему она существует в языке? Проанализируем несколько примеров:

1. *Он выпил чаю.* ≠ *Он выпил чай.* Очевидно, что в первом предложении имеется в виду определенное количество чая, часть его, в то время когда во втором предложении имеется в виду не часть, а все имеющееся количество чая.
2. *Дай чаю* (ср. *чая*). – *Дай дураку дорогу.* В первом предложении форму *чаю* можно считать формой дат. п. потому, что глагол *дать* требует дат. и вин. п. Однако ее тоже можно считать и формой род. п., выражающей партитивный объект. Во втором предложении не составляет особого труда определить, что форма *дураку* – это дат. п. потому, что им. сущ. *дурак* не является вещественным, неисчисляемым им. сущ. и не имеет в род. п. альтернативной формы на –у. Форма *чаю* в данном контексте может полностью быть заменена формой род. п. *чая*, что укрепило бы позицию, что форма *чаю* является партитивной формой род. п.
3. *Чаю не хватает сладости*¹⁶. ≠ *Дай чаю.* Именно по выше описанной причине омонимичные формы *чаю* в данном примере являются формами разных падежей: в первом предложении – дат. п. (ср. *Девушке не хватает сладости.*) , а во втором - партитивной формой род. п.

¹⁵ Одним из таких языков является старофранцузский.

¹⁶ Т.е. чай не такой сладкий, как хотелось бы.

Очевидно, что так называемые партитивные формы имеет особую семантическую функцию – они обозначают не полный, а частичный объем определенных веществ. Этим и можно объяснить их наличие в русском языке.

1.5. Падеж как объект фонологии

Иногда фонология, а именно акцент, или ударение, может послужить средством, позволяющим считать ту или иную словоформу самостоятельной формой падежа. Важно заметить, что многие падежные формы, помимо формально выраженных показателей, отличаются и характеризуются ударением, но роль ударения особо актуальна в тех случаях, когда говорят о синкретизме падежных форм, например, ед. ч. род./дат./пр. п. сущ. III скл. – (о) *крóви* ≠ (в) *крови́*. Перечисленные формы отличаются от формы с локативным значением только ударением. Таким образом, именно фонология играет определяющую роль в данном случае. Но будем ли мы считать эти две формы пр. п. параллельными формами одного и того же падежа, или стоит их рассматривать как разные падежные формы остается вопросом, на который только фонологический анализ ответить не в состоянии.

Следовало бы вернуться к 3. примеру, описанному в 1.3., в котором фактором, определяющим принадлежность форм к тому или иному падежу, также может послужить интонация. Но это может быть решающим лишь в разговорной речи, и не может помочь, если перед нами только письменный вариант.

2. Описания предлагаемых падежных систем

2.1 Падежная система, предлагаемая Грамматикой русского языка Академии наук СССР

Грамматика русского языка Академии наук СССР, которая носит чисто дескриптивный характер, утверждает, что система склонения в русском языке состоит в соотношении шести падежей: именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и предложного. В ней также говорится о том, что падежные формы соотносительны в пределах двух чисел – единственного и множественного. К тому же, все имена существительные принадлежат мужскому,

женскому или среднему грамматическим родам и бывают одушевленные или неодушевленные.

Все эти свойства имен существительных нам будут важны для обсуждения описываемой в *Грамматике 80* системы склонения.

Далее важно заметить, что в русском языке выделяют три основных типа склонения¹⁷, которые строго отличаются только в падежных формах единственного числа, т.е. окончания падежей во множественном числе во всех трех типах склонения формально почти идентичны.

Мы не будем в данной работе приводить пример таблиц выше упомянутых типов склонения, поскольку они доступны читателю в любой, даже школьной, грамматике русского языка. Нас в данном случае больше всего интересуют те падежные формы, которые *Грамматика 80* называет *формами с двояким видом* (1980: I, 484) определенных падежей. Важно заметить, что мы ограничимся лишь наиболее распространенными и очевидными примерами таких форм, хотя в *Грамматике 80* их дается больше¹⁸ потому, что мы не ставим своей целью описать всех возможных случаев исключений, существующих в современном русском языке.

Мы попробуем описать их в следующем порядке: в начале опишем особые формы единственного, а затем множественного числа.

2. 1.1. Особые формы единственного числа

Род. п. I скл. –у/-ю ≠ -а/-я

Параллельно с окончаниями -а/-я у некоторых имен существительных в данном падеже существуют и альтернативные окончания –у/-ю. Грамматика выделяет пять категорий таких имен существительных:

- им. сущ. м. р. с вещественным значением (*сахару, чаю*)
- им. сущ. м. р., называющие проявления различных физических состояний и природных явлений (*прибавить ходу*)
- им. сущ. м. р., называющие абстрактные понятия, связанные с деятельностью или состоянием людей (*риску, толку*)

¹⁷ О так называемом нулевом склонении мы уже говорили в 1.1.

¹⁸ Подробней смотрите в *Грамматике русского языка*, 1980, с. 484–503.

- им. сущ. м. р. со значением нерасчлененной множественности (*народу, долгу*)
- им. сущ. в устойчивых фразеологических сочетаниях (*без году неделя*)

Пред. п. I скл. –у/-ю ≠ –е

Параллельно с окончанием –е некоторых имен существительных в данном падеже существуют и альтернативные окончания –у/-ю. Грамматика выделяет две категории таких имен существительных:

- им. сущ. м. р. с предлогами *в* и *на* в обстоятельственном значении (*в году, в саду*)
- им. сущ. в устойчивых сочетаниях (*остаться в долгу*).

Следует также заметить, что эти альтернативные формы в данном случае имеют и еще один характерный фонологический признак, а именно: ударение падает на окончание, в то время, как в первой, т.е. не альтернативной, форме оно всегда падает на корень (*в снѐге – в снегу*).

Тв. п. II скл. –ой/-ей ≠ –ою/-ею

Параллельно с окончанием –ой/-ей у всех имен существительных в данном падеже существуют и альтернативные окончания –ою/-ею. Эти альтернативные окончания более свойственны книжной, нежели разговорной речи: «Нам с музыкой-голубою/ Не страшно умереть, / Там хоть вороньей шубою/ На вешалке висеть...[...]» (1994 : 172).

Тв. п. III скл. –у/-ю ≠ –ию

Параллельно с окончанием –у/-ю у имен существительных с отвлеченным значением, а также у слова *кровь* в данном падеже существуют и альтернативные окончания –ию. Эти альтернативные окончания почти исключительно встречаются только в книжной, поэтической речи: *кровью – кровию, властью – властью*.

Пр. п. III скл. –и ≠ и

Параллельно с окончанием –и имена существительные с предлогами *в* и *на* в локативном значении имеют форму –і́: (*о*) *крѡ́ви* ≠ (*в*) *крово́и*. Подробнее это обсуждалось в 1.5.

2.1.2. Особые формы множественного числа

Мы еще раз хотим подчеркнуть, что во множественном числе нет таких строгих различий между тремя типами склонения, которые наблюдаются в

единственном числе. Тем не менее, в множественном числе есть так называемые двойные формы, но грамматика выделяет только несколько таких случаев.

Им. п. –и/-ы ≠ á/-я

Большое количество имен существительных м. р. I скл. в им. п. имеют окончания *-á/-я*, которые могут быть вариантными, т.е. существующими параллельно с формами на *-и/-ы*: *бункерá* = *бункеры*; либо существовать только в одном варианте: *берегá*, *городá*.

Вин. п. = род. п. ≠ вин. п. = им.п.

Имена существительные в винительном падеже множественного числа получают разные окончания в зависимости от их одушевленности, т.е. у существительных одушевленных формы винительного и родительного падежей одинаковы (I скл. *котов* = *котов*, II скл. *мух* = *мух*), а у неодушевленных существительных формы винительного падежа совпадают с формами именительного падежа (I скл. *столы* = *столы*, II скл. *книги* – *книги*).

Хотим напомнить и о другом особом случае склонения – о так называемом нулевом склонении, что подробно обсуждалось в 1.1. Существуют имена существительные, которые склоняются по адъективному склонению¹⁹, но мы не будем это обсуждать, поскольку нас интересует лишь категория управляемого падежа имен существительных.

Анализируя чисто формальные различия парадигм склонения, описанные в *Грамматике 80*, становится очевидно, что первичное утверждение о том, что в русском языке существует шесть падежей, не совсем полное, что иллюстрирует данная таблица:

Традиционный подход	Подход <i>Грамматики 80</i>
Им.п.	Им.п. 1 + Им. п. 2
Род.п.	Род.п.1 + Род.п.2
Дат.п.	Дат.п.
Вин.п.	Вин.п.1 + Вин.п.2
Тв.п.	Тв.п.
Пр.п.	Пр.п.1 + Пр.п.2
6	10

Читатель конечно заметит, что в эту таблицу не внесены двойные формы тв. п., но причина этому объяснена в 1.4.

¹⁹ Например, *слепой*, *больной*, *домовой* и т.д.

2.2 Падежная система, предлагаемая Р. Jakobsonом

Р. Jakobson является ключевой фигурой в истории исследований русской падежной системы. Он строго критикует, по его словам, механические исследования словоформ, морфологические исследования, которые отнимают у форм их функции, и таким образом, их значения (1984:59). Ключевым понятием при любой попытке анализа грамматической системы языка для Р. Jakobsonа является понятие *general meanings* (в нашем переводе *общие значения*). Именно эти общие значения грамматических форм и составляют основу грамматической системы любого языка.

Таким образом, желая описать падежную систему языка, мы должны определить общие значения наличных в языке падежных форм. Р. Jakobson утверждает, что: «[...] attempts to define individual cases in isolation are in vain, and that it is absolutely necessary to begin from a **general system of case oppositions** [...]» (1984:64). Как видим, сделать это возможно лишь анализируя всю падежную систему в целом, при этом сопоставляя определенные падежные формы. Р. Jakobson также подчеркивает, что падеж – это по натуре своей морфологическая, а не синтаксическая категория; и поэтому функции падежа не обязательно должны быть связаны с синтаксическими функциями (1984:63).

Суть его работы – дать представление о системе падежей современного русского языка, обоснованной на морфологических корреляциях, выделяя не списки индивидуальных значений отдельных падежей (что так часто встречается, особенно в дескриптивных грамматиках), а пытаясь определить основную функцию каждого падежа. Р. Jakobson утверждает, что у каждого падежа есть несколько значений, которые включены в определенную иерархическую систему, и определить эти значения возможно с помощью синтаксиса, но при этом нужно иметь ввиду, что «the problem of syntactic variation in case meanings is indissolubly connected with that of the invariant semantic value of each case in relation to the other cases of the same morphological system, as well as with the problem of the exact relationship between the cases and the other morphological categories of a given language» (1984:127); в то время когда общее значение падежа не зависит от его окружения (1984:69).

Приняв это во внимание, приведем краткое описание русской падежной системы, предлагаемой Р. Якобсоном.

Система Р. Якобсона состоит из восьми падежей: номинативного (им. п.), аккузативного (вин. п.), первого генитивного (род. п.), второго генитивного (партиитивного с окончанием на –у в I скл. м. р. с нулевыми окончаниями в им. п.), инструментального (тв. п.), дативного (дат. п.), первого локативного и второго локативного (с окончанием на –ú в I скл. м. р. с нулевыми окончаниями в им. п., а также с окончанием на –í у некоторых им. сущ. ж. р. с нулевыми окончаниями в им. п.) (1984:95).

Мы не будем пояснять всех выше указанных падежей – это читатель может найти в работе Р. Якобсона, однако поясним аргументацию автора, когда он выделяет второй генитивный и второй локативный падежи, поскольку именно ими парадигма Р. Якобсона отличается от традиционной парадигмы шести падежей.

Второй генитивный падеж (Г2), в противопоставлении первому (Г1), также как и второй локативный падеж (Л2), в противопоставлении первому (Л1), во-первых, имеют свои формальные показатели – особые окончания, во-вторых, они возможны только в случае существования форм Г1 и Л1 и, наконец, в третьих, именно в оппозиции к Г1 и Л1 они обозначают, как пишет Р. Якобсон, что их референты находятся в состоянии (с)формирования («something shaping or being shaped»), в то время когда референты форм Г1 и Л1 являются самой формой («shape») (1984:92). Формы Г1 и Г2 не взаимозаменяемы в одном и том же контексте: *недостаток чаю* (не хватает определенного количества) $\neq$ *недостаток чая* (нету чая), *он купил сахара* (ограниченное количество) $\neq$ *он купил сахара* (сам факт покупки определенного вещества). Также как и формы Л1 и Л2 – *В лесу много птиц.* $\neq$ *В лесу мне не нравится темнота.* обозначают разные свойства референта *лес*: в первом примере речь идет о конкретном лесе, которому свойственно большое наличие птиц; во втором примере речь идет об абстрактном лесе, в котором темно не по объективным, а по субъективным причинам. Р. Якобсон отмечает интересную закономерность в появлении Г2 и Л2, если эти словоформы определяются атрибутом: чем необычней атрибут, чем сильнее он выделяет референта, тем более Г2 и Л2 уступают место Г1 и Л1: *в родном краю – в экзотическом крае.*

Обобщив систему Р. Якобсона и противопоставив ее традиционной парадигме, мы получим следующий результат:

Традиционный подход	Подход Р. Якобсона
Им.п.	Им.п.
Род.п.	Род.п.1 + Род.п.2
Дат.п.	Дат.п.
Вин.п.	Вин.п.
Тв.п.	Тв.п.
Пр.п.	Пр.п.1 + Пр.п.2
6	8

2.3 Падежная система, предлагаемая И. А. Мельчуком

Мы хотели бы заметить, что работа И. А. Мельчука представляет структуралистический подход к грамматике, а тем самым, и к вопросу о количестве падежей в русском. Это не является особо важным для данного исследования поскольку очевидно, что авторы разных лингвистических школ подходят к вопросу о русской падежной системе по-разному. Нас больше интересуют сами системы и различия между ними, чем их теоретические платформы.

В работе И. А. Мельчука дается несколько разных характеристик падежа (например, *первичные – вторичные, простые – составные, синтаксические – семантические*). Нас в данном исследовании интересует только количество падежей, поэтому мы ограничимся обзором выделенных автором синтаксических падежей, а также оппозицией *самостоятельный – не самостоятельный* падеж.

И. А. Мельчук утверждает, что падежная система русского языка состоит из десяти падежей. Он делает четкое разграничение между полными (теми, которые определяются на все существительные) и частичными (теми, которые определяются только на определенное число существительных) падежами. Таким образом, согласно И. А. Мельчуку, в падежную систему входят: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный падежи, являющиеся полными, а также партитив, локатив, вокатив и аднумератив, являющиеся неполными. Мы полагаем, что первые шесть падежей, упомянутых автором, понятны читателю и поэтому не требуют комментариев, но на оставшихся четырех частичных падежах остановимся подробнее.

Согласно автору, партитив – это падежная форма, обозначающая неопределенное количество. В сущности своей, это та же форма род. п. ед. ч. I скл., которая

заканчивается на -у/ -ю: *немного сахару/ чаю*. Автор подчеркивает, что партитив не является самостоятельным падежом потому, что его показатель совпадает с показателем дат. п. ед. ч.

Локатив – это падежная форма, обозначающая локализацию или ориентацию. В сущности своей, это та же форма пр. п. ед. ч. I скл., которая заканчивается на -ý/ -ю: *в лесу, в саду*, но отличается от пр. п. ед. ч., признаком которого, по словам автора, является окончание -е: *в лесе, в саде*. Автор не уточняет, считает ли он эту падежную форму самостоятельной, но судя по его аргументам, она должна была бы быть самостоятельной потому, что имеет свой показатель, а именно окончание -ý.

Вокатив – это падежная форма, обозначающая обращение и встречаемая только в разговорной речи – *Толь!*²⁰ *Наташ!* Автор не упоминает о таких архаических формах, как *боже, господи, отче*, о которых говорится в 1.2. Следует заметить, что и эту форму И. А. Мельчук не трактует как самостоятельный падеж потому, что только в разговорной речи она формально отличается от формы им. п., т.е. имеет нулевое окончание. Далее, она не контролирует согласования, например, имен прилагательных, т.е. им. прил., употребленные с им. сущ. в вокативе, не получают особого вокативного окончания: *Милая, Наташ!* или *Наташ, милая!*

Аднумератив - это падежная форма, которой обладают только три им. сущ. *шагá, рядá, часá* в сочетаниях с числительными *два, три* и *четыре*. Другими словами, выше приведенные формы аднумератива дублируют им. п./ вин. п. мн. ч., выступая вместе с выше упомянутыми числительными: *шаги* ≠ *два шагá, ряды* ≠ *три рядá, часы* ≠ *четыре часá*. Автор не уточняет, считает ли он эту падежную форму самостоятельной, но на основании его аргументов, приведенных в анализе других падежных форм, напрашивается вывод, что данная форма считается самостоятельным падежом потому, что она имеет свой показатель – окончание -á, которое не совпадает ни с каким другим показателем.

Если мы попробуем подвести итоги и выразить их в таблице, как и в предыдущих главах (т.е. противопоставим падежные формы, выделяемые И. А. Мельчуком, традиционным), получим следующий результат:

²⁰ Форма обращения, образованная от имени *Анатолий*, в уменьшительно-ласкательном варианте *Толя*.

Традиционный подход	Подход И. А. Мельчука
Им.п.	Им.п.
Род.п.	Род.п. + Партитив ²¹
Дат.п.	Дат.п.
Вин.п.	Вин.п.
Тв.п.	Тв.п.
Пр.п.	Пр.п. + Локатив
	Вокатив
	Аднумератив
6	10

3. Выводы

Как мы видим, категория падежа является очень сложной грамматической категорией, для обсуждения которой требуется целый комплекс разделов лингвистики. Результаты, которые мы получили, описав три разных подхода к вопросу о количестве падежей в современном русском языке, следующие:

Традиционный подход	Подход <i>Граматики</i> 80	Подход Р. Якобсона	Подход И. А. Мельчука
Им.п.	Им.п. 1 + Им. п. 2	Им.п.	Им.п.
Род.п.	Род.п.1 + Род.п.2	Род.п.1 + Род.п.2	Род.п. + Партитив
Дат.п.	Дат.п.	Дат.п.	Дат.п.
Вин.п.	Вин.п.1 + Вин.п.2	Вин.п.	Вин.п.
Тв.п.	Тв.п.	Тв.п.	Тв.п.
Пр.п.	Пр.п.1 + Пр.п.2	Пр.п.1 + Пр.п.2	Пр.п. + Локатив
			Вокатив
			Аднумератив
6	6+4=10	6+2=8	6+4=10

Количество выделяемых падежных форм варьирует от традиционных шести до десяти. Мы знаем, что не все авторы единодушны в том, что они считают самостоятельными формами. Тем не менее, все выделяют две особые падежные формы, а именно: второй родительный падеж или партитив и второй предложный падеж или локатив, или согласно терминологии Р. Якобсона, второй локатив.

²¹ Хотя И. А. Мельчук и не считает форм партитива и вокатива самостоятельными, мы их приводим в данной таблице потому, что автор их так или иначе признает падежными формами. Вокатив, согласно его же критериям, больше всех остальных может претендовать на статус самостоятельного падежа, ибо имеет оригинальный нулевой показатель.

Единственный автор, признающий обе эти формы самостоятельными падежами – Р. Якобсон. Контраргументы остальных авторов следующие:

Грамматика 80 утверждает, что различия в формах родительного и предложного падежей связаны со значениями падежей, но «поскольку эти различия в значениях не имеют последовательного формального выражения по всей системе склонения существительных (и даже в пределах I скл.), постольку эти формальные различия не рассматриваются как самостоятельные падежи» (1980:484).

И. А. Мельчук утверждает, что «[...] самостоятельный падеж имеет, по крайней мере, один показатель, который не совпадает ни с каким другим падежным показателем, возможным при той же основе» (1997:333). Таким образом становится ясно, что второй родительный падеж или партитив не считается самостоятельным, поскольку показатель –у/-ю является показателем дательного падежа. «Все русские партитивные словоформы всегда совпадают с дативными» (1997:333), но не наоборот.

Против этого мы можем привести следующие аргументы:

- 1) Во-первых, очевидно, что наличие альтернативных форм родительного и второго предложного падежей хотя и не имеет последовательного характера, но тем не менее, речь идет отнюдь не о единичных случаях. Как нам известно, нет норм по определению необходимого количества наличия падежных форм в языке для признания их самостоятельным падежом.
- 2) Кроме того, мы знаем, что ни одна из парадигм склонения в русском языке не обладает всеми шестью признанными падежными формами. Парадигмы I и II скл. в ед. ч. и парадигмы всех скл. во мн. ч. имеют пять различных форм, а парадигма III скл. – всего три различные формы. Это значит, что не только формы выше упомянутых падежей не имеют своих собственных показателей, но и другие падежные формы, которые, тем не менее, признаются самостоятельными падежами.
- 3) Далее, особую форму второго предложного падежа также имеет группа существительных III скл. – форму с окончанием на ударную –*í*, что по нашему мнению, дополнительно сокращает возможность «случайного» появления этих форм.

- 4) И, наконец, мы хотели бы сказать, что и второй родительный падеж или партитив, и второй предложный падеж или локатив имеют свои особые семантические и синтаксические функции, которые подробно обсуждались в данном исследовании.

Грамматика 80 выделяет еще две падежные формы, которые не считает самостоятельными падежами, но которые мы выделили в таблицах, а именно: именительный второй и винительный второй падежи. Мы не считаем их самостоятельными падежами, но сочли возможным их выделить потому, что они имеют морфологические показатели и не всегда могут в контексте быть заменены другими²². Мы полагаем, что формы именительного падежа на *-á/-я* являются особенностью I скл. и должны быть отражены в представляемых грамматиками парадигмах потому, что лишь небольшая их часть является невариантными, а единственно возможными, а большинство является либо преобладающими, либо равноправными с *-и/-ы*, либо вариантными с стилистическим или семантическим отклонением. К этой же категории мы отнесим и аднумеративный падеж, который выделяет И. А. Мельчук.

Остается обсудить вокатив или звательный падеж, который выделяет один лишь И. А. Мельчук. Согласно его критериям, так и остается неясным, считает ли он данный падеж самостоятельным или нет (подробней об этом в 2.3). Вокатив имеет свой показатель – нулевую флексию – в парадигме ед. ч., но с другой стороны этот показатель совпадает с род. п. мн. ч. Он также не обладает согласованием, например имен прилагательных, которые, выступая с формами звательного падежа, сохраняют формы именительного падежа. Но тем не менее, мы считаем эту форму самостоятельной падежной формой на основе наших аргументов, приведенных в 1.2, а также в пример 2. в части 1.3. Более того, мы признаем за ней особый статус как синтаксически независимого падежа.

Читатель легко заметит, что нам ближе всего классификация Р. Якобсона, которую мы хотели бы дополнить зательным или вокативным падежом. Кроме того, мы считаем, что любой язык – это система противопоставлений и закономерностей. Даже в случаях исключений или отклонений от так называемой

²² Кроме им. сущ. в им.п. мн. ч., которые параллельно с формами на *-и/-ы* имеют абсолютно равноправные формы на *-á*: *бункерá* = *бункеры*.

нормы, можно говорить об особых правилах, которым они следуют, или иными словами, «дефекты» грамматических языковых систем следуют своим особым закономерностям, но эта тема уже для другого исследования.

Подводя итоги, мы бы хотели сделать еще одно замечание – разные грамматики пишутся с разными целями, что во многом определяет их вид или форму, например одни ставят во главу угла минимальное число грамматических форм, достаточное для объяснения правил синтетического управления, другие, наоборот, приводят как можно больше грамматических форм с целью упростить описание семантических ролей и правил, и т.д. Проблемы, связанные с выбором того или иного способа, всесторонне обсуждены в работе Т. В. Булыгиной (1977 : 110–204), что также может быть темой, но уже другого исследования.

Список условных сокращений

Вин. п. – винительный падеж

Дат. п. – дательный падеж

Ед. ч. – единственное число

Ж. р. – женский род

Им. п. – именительный падеж

Им. прил. – имя прилагательное

Им. сущ. – имя существительное

М. р. – мужской род

Мн. ч. – множественное число

Пр. п. – предложный падеж

Род. п. – родительный падеж

Скл. – склонение

Ср. р. – средний род

Тв. п. – творительный падеж

Литература

- Булыгина 1977 = Булыгина, Т. В. *Проблемы теории морфологических моделей*, Академия наук СССР, Институт языкознания, Москва, «Наука», 1977.
- Грамматика 80* = *Грамматика русского языка*, Академия наук СССР, Институт русского языка, Москва, «Наука», 1980.
- Латинско–литовский словарь 1955* = *Латинско–литовский словарь*, Вильнюс, «Вальстибине политинес ир мокслинес литературос лейдикла», 1955.
- Мандельштам 1994 = Мандельштам, О. *«Сохрани мою речь»*, Москва, «Школа-пресс», 1994.
- Матиассен 1990 = Mathiassen, T. *Russisk grammatikk*, Oslo, Universitetsforlaget, 1990.
- Мельчук 1997 = Мельчук, И. А. *Курс общей морфологии*, Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, «Прогресс», 1997.
- Русско–литовский словарь 1982–1985* = *Русско–литовский словарь*, Вильнюс, «Мокслас», 1982–1985.
- Якобсон 1984 = Jakobson, R. *Russian and Slavic Grammar Studies 1931–1981*, Berlin, Mouton Publishers, 1984.